

XV. 663. 8

М. А. ДЬЯКОНОВЪ.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРІИ

ДЕРИТСКАГО (НЫНѢ ЮРЬЕВСКАГО)

УНИВЕРСИТЕТА.

Девъ записки проф. И. Г. Неймана.

*Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Декабрь 1902 г.).*

N° 95885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1902.

TICA
1966

М. А. ДЪЯКОНОВЪ.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРИИ
ДЕРПТСКАГО (НЫНѢ ЮРЬЕВСКАГО)
УНИВЕРСИТЕТА.

Дѣль записки проф. И. Г. Неймана.

*Изъ Журнала Министерства Юстиціи
(Декабрь 1902 г.).*

№ 95885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1902.

ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ПО ИСТОРИИ ДЕРПТСКАГО (НЫНѢ ЮРЬЕВСКАГО) УНИВЕРСИТЕТА.

Два записки проф. И. Г. Неймана.

О профессорѣ Дерптскаго университета Иванѣ Георгіѣ Нейманѣ въ русской библиографіи имѣются весьма отрывочныя и притомъ неправильныя данныя. О немъ или совсѣмъ не упоминается въ историографическихъ обзорахъ, или имя его смѣшивается съ именемъ его сына, выступившаго на литературное поприще уже послѣ того, какъ проф. Нейманъ влѣдствіе давней болѣзни вынужденъ былъ удалиться въ отставку ¹⁾. Лишь въ изданіи Реке и Напьерскаго „Allgemeines Schriftsteller-und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Estland und Kurland“ указаны всѣ главнѣйшія даты о

¹⁾ Такъ, въ послѣднемъ трудѣ проф. Н. П. Загоскина „Исторія права русскаго народа“, стр. 37, о проф. Нейманѣ сообщено, что онъ занималъ въ 1811—1814 гг. въ Дерптскомъ университетѣ кафедру государственнаго и народнаго права и оставилъ соч. „Entwicklung des russischen Rechts nach der ersten bis zur zweiten Prawda“ (Дерптъ, 1830). Эта статья появилась въ изданіи Эверса „Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands“. К. Н. Беслужевъ-Рюминъ въ своей исторіи правильнѣе указалъ объ этомъ изданіи, что тамъ и труды ученика его (Эверса) Неймана, извѣстнаго своимъ сочиненіемъ: „О жилищахъ Руссовъ“, переведеннымъ съ примѣчаніями М. П. Погодинымъ (М. 1826)“. Что ученикъ Эверса Нейманъ не проф. И. Г. Нейманъ, а его сынъ, явствуетъ изъ неоконченнаго предисловія къ книгѣ самого Эверса (книга вышла въ свѣтъ уже послѣ его смерти): „Jenes Buch (Das älteste Recht der Russen) von mir hat aber einen Jüngling veranlasst, dessen Vortsetzung für den Zeitraum zwischen der ersten und zweiten Prawda liegt zu unternehmen, und handschriftlich meinem Urtheile zu unterwerfen. Diese musste so günstig ausfallen, dass ich seine anspruchlose Arbeit hier dem Publikum vorlege, als einen achtungswerthen Beitrag zur wissenschaftlichen Entwicklung des behandelten Gegenstandes, was mir um so

служебной дѣятельности Неймана и приведенъ списокъ его напечатанныхъ трудовъ. Удовлетворительной же біографіи этого беззавѣтнаго труженика, до щепетильности требовательнаго въ отношеніи къ себѣ, посвятившаго всю жизнь на разработку русскаго права, мы и до сихъ поръ не имѣемъ. Между тѣмъ его роль въ исторіи русской науки и, въ частности, въ исторіи Дерптскаго университета вовсе не маловажна и по меньшей мѣрѣ заслуживаетъ большаго къ себѣ вниманія. Въ подтвержденіе этого теперь же можно привести два документальныхъ свидѣтельства. Совѣтъ Дерптскаго университета, представляя въ 1826 г. къ пенсіи выходящаго въ отставку проф. Неймана, счелъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать о немъ, „что онъ не только собственныя свои обязанности, сколько силы позволяли, исполнялъ всегда по совѣсти и съ усердіемъ, но и съ величайшею готовностію принималъ на себя и исполнялъ многія чрезвычайныя порученія начальства; чего доказательствомъ навсегда будутъ служить сохраняющіяся въ университетскихъ актахъ частію весьма обширныя бумаги, составленныя имъ съ свойственнымъ ему остроуміемъ, рѣдкою тщательностію и знаніемъ дѣлъ. Сверхъ того проф. Нейманъ, согласно съ даннымъ при семъ случаѣ свидѣтельствомъ нынѣшняго ректора университета, оказалъ ему обширными своими познаніями важную помощь по дѣламъ административнымъ и такимъ образомъ, именно же по части установленія на законныхъ основаніяхъ и лучшаго, чѣмъ прежде, управленія, оказалъ существеннѣйшія заслуги всему университету“. Съ другой стороны, самъ Эверсъ считалъ Неймана, какъ видно изъ только-что приведеннаго предисловія къ послѣднему его изданію, своимъ учителемъ по исторіи русскаго права.

Не будетъ, кажется, излишнимъ отмѣтить здѣсь же и еще одну подробность изъ біографіи И. Неймана. Довольно извѣстный Александръ Рейцъ, также профессоръ Дерптскаго университета и авторъ труда „*Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechtsverfassung*“, гораздо болѣе распространеннаго въ русскомъ переводѣ Морошкина подъ заглавіемъ „Опытъ исторіи русскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ“, обычно считается въ русскихъ исторіографическихъ обзорахъ ученикомъ и послѣдова-

mehr zur Genugthuung gereicht, da der junge Verfasser der Sohn eines mir sehr lieben Freundes, des Staatsraths und Ritters Neumann ist, welchen ich selbst als meinen Lehrer in der russischen Rechtsgeschichte dankbar anerkenne. Ich wünsche ihm Glück zu dem hoffnungsvollen Zeichen, wie er seine seltenen Kenntnisse auf den Sohn vererbt“.

телемъ Эверса, вслѣдъ за которымъ всегда и упоминается. Но едва ли достаточно извѣстенъ русскимъ историкамъ тотъ фактъ, что Рейцъ былъ прежде всего ученикомъ Неймана и прошелъ строгую школу подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Изъ официальныхъ актовъ университетскаго архива явствуетъ, что именно Нейманъ въ 1818 г. склонилъ студента правъ Рейца подготовить себя къ занятіямъ преимущественно русскимъ правомъ, и послѣдній подъ его руководствомъ занимался русскимъ языкомъ и чтеніемъ русскихъ законовъ. Нейманъ преслѣдовалъ при этомъ не только личную пользу занимающагося: онъ хотѣлъ, чтобы Рейцъ затѣмъ могъ заняться со студентами юристами русскимъ языкомъ и въ частности чтеніемъ законовъ въ подлинникѣ, „ибо, какъ это ни необходимо съ формальной стороны, но нельзя отъ студентовъ требовать знанія языка и въ особенности пониманія дѣловаго стиля и выраженій законовъ, не доставивъ имъ возможности научиться этому“. Также по предложенію Неймана юридическій факультетъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи студенту Рейцу вести преподаваніе по особенной части русскаго уголовного права. Министръ удовлетворилъ это ходатайство лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы студентъ Рейцъ читалъ лекціи подъ особымъ наблюденіемъ и руководствомъ проф. И. Неймана, на котораго возложена обязанность просматривать и одобрять каждую предстоящую лекцію.

Эверсъ и вслѣдъ за нимъ Рейцъ, по справедливости, занимаютъ весьма видное мѣсто въ русской исторіографіи. Но если самъ Эверсъ, не говоря уже о Рейцѣ, столь многимъ обязанъ „рѣдкимъ познаніемъ“ Неймана, что призналъ его своимъ учителемъ по исторіи русскаго права, то было бы лишь актомъ справедливости рядомъ съ именами Эверса и Рейца отвести хотя бы скромное мѣсто и имени проф. И. Неймана.

Было бы весьма желательно выяснитъ подробнѣе личныя и научныя отношенія Неймана къ Эверсу. Но авторъ настоящей замѣтки не располагаетъ для того достаточнымъ матеріаломъ. Онъ имѣлъ лишь въ виду познакомить русскаго читателя съ двумя проектами проф. И. Неймана, которымъ хотя и не суждено было осуществиться, но которые могутъ служить любопытнымъ матеріаломъ для оцѣнки его научнаго кругозора и научныхъ стремленій.

Въ упомянутомъ изданіи Реке и Напьерскаго между прочимъ отмѣчено, что въ дѣлѣ проф. Неймана, хранящемся въ университетскомъ архивѣ, имѣется его записка подъ заглавіемъ „Plan zu einer Reise durch Russland in statistischer und historischer Rücksicht“.

Вѣроятно, для большинства и нѣмецкихъ читателей осталось неизвѣстнымъ, что этотъ проектъ Неймана черезъ 52 года послѣ его составленія напечатанъ былъ цѣликомъ въ статьѣ Θ. Бейзе—„Zur Erinnerung an Dr. Alexander von Reutz“, появившейся въ журналѣ Das Inland за 1863 г., № 14, стр. 211—213, такъ какъ авторъ не указалъ, что печатаетъ цѣликомъ планъ Неймана. Въ виду этого будетъ нелишнимъ указать обстоятельства, при которыхъ составленъ былъ этотъ планъ, и привести его цѣликомъ въ русскомъ переводѣ.

Въ первый разъ Нейманъ былъ избранъ на кафедру положительнаго государственнаго и народнаго права въ Дерптскомъ университетѣ въ февралѣ 1811 г., въ концѣ апрѣля пріѣхалъ въ Дерптъ и открылъ курсъ по русскому государственному праву. Но уже въ августѣ того же года онъ обратился къ ректору съ письмомъ, помѣченнымъ 21 числомъ, въ которомъ указываетъ, что предложеніе его сіятельства Министра Народнаго Просвѣщенія университету озаботиться организаціей ученыхъ путешествій даетъ ему смѣлость представить прилагаемый планъ такого путешествія въ статистическомъ и историческомъ отношеніяхъ. „Пребываніе въ Россіи“,—пишетъ онъ,—„убѣдило меня въ полезности подобнаго предпріятія. Уже болѣе года питаю я мысль о такомъ путешествіи; но не дѣлалъ шаговъ къ ея осуществленію, не будучи увѣренъ въ матеріальной поддержкѣ. Краткость времени вынуждаетъ меня ограничиться въ настоящее время лишь небольшимъ эскизомъ моего плана. Для болѣе полнаго развитія его потребовалось бы, въ виду текущихъ моихъ служебныхъ обязанностей, около четырехъ недѣль времени“. Приложенный къ письму планъ озаглавленъ такъ: „Plan zu einer Reise durch Russland in statistischer und historischer Rücksicht“. Содержаніе этого плана, въ возможно точномъ переводѣ, таково.

„Знакомство съ страной и ея населеніемъ является первою потребностью государственнаго дѣятеля, къ какой бы отрасли управленія онъ ни былъ приставленъ. Чтобы правильно примѣнять въ какой-либо странѣ общія основы науки о государствѣ (allgemeine Grundsätze der Staatslehre), необходимо принять во вниманіе особенности ея положенія, ибо соотвѣтственно послѣднимъ первыя очень часто должны быть видоизмѣняемы. Но трудность искусства управленія въ томъ именно и заключается, чтобы сумѣть обосновать на общихъ научныхъ положеніяхъ конкретныя мѣропріятія примѣнительно къ данному случаю и мѣстнымъ условіямъ. При этомъ

первымъ и безусловно необходимымъ требованіемъ должно быть полное и возможно точное знакомство съ положеніемъ страны. Всякая ошибка здѣсь опасна, такъ какъ она приводитъ къ ложнымъ взглядамъ. Неправильныя мѣропріятія въ управленіи страню гораздо чаще проистекаютъ изъ ложныхъ взглядовъ на положеніе страны, чѣмъ отъ грубыхъ ошибокъ въ пониманіи общихъ научныхъ основъ.

„Хотя въ Россіи за послѣднее время сдѣлано очень многое для изученія отечества, но гораздо большее остается еще сдѣлать. У насъ еще нѣтъ классическаго сочиненія по статистикѣ Россіи. Даныя, встрѣчающіяся въ подобнаго рода сочиненіяхъ, весьма неполны, часто невѣрны. Собранія критически обработанныхъ матеріаловъ и совсѣмъ не имѣется. Необходимо положить начало собранію точныхъ статистическихъ данныхъ объ отдѣльныхъ областяхъ и прежде всего о самыхъ отдаленныхъ, которыя, по этому самому, и являются наименѣе извѣстными. Сколь многое для болѣе точнаго ознакомленія съ отечествомъ можетъ быть достигнуто во время такого путешествія съ статистическими цѣлями, это не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ обоснованій.

*Собраніе
матеріаловъ
по статистикѣ
Россіи
нужно*

„Весьма важною частью государствовѣдѣнія является и точное знакомство съ духовною жизнью населенія имперіи. Описанія ихъ нравовъ, обычаевъ, рвлеченій, особенностей характеровъ, какія встрѣчаются въ разсказахъ путешественниковъ, очень интересны и даже, за отсутствіемъ какихъ-либо другихъ указаній, весьма важны; но по большей части они недостаточно полны для возстановленія картинъ быта, могущихъ вполне удовлетворить государственнаго дѣятеля. Для Россіи эта часть отечествовѣдѣнія представляетъ особую важность въ интересахъ управления. Присоединенныя къ Россіи на югѣ и востокѣ племена столь значительны, что вполне могутъ стать предметомъ спеціальнаго изученія. Необходимо постараться въ точности изучить ихъ отношенія между собою и къ господствующей націи, ихъ взгляды, желанія, склонности,—короче,—всѣ особенности ихъ характеровъ, особо для каждаго племени; ибо только послѣ точнаго и возможно полнаго изученія ихъ общественнаго быта могутъ быть выработаны мѣры, съ помощью которыхъ было бы возможно, не прибѣгая къ насильственнымъ понужденіямъ, содѣйствовать ихъ культурному развитію и установить прочныя связи съ цѣлымъ при мудрой оцѣнкѣ особенностей ихъ культурнаго быта.

„Съ главною цѣлью такого путешествія—споспѣшествованіемъ

отечествовѣдѣнію — легко можетъ быть связана другая задача, имѣющая огромную важность для древней исторіи Россіи, въ частности для первой вспомогательной отрасли ея вѣдѣнія—для древней географіи. При критическомъ изученіи лѣтописей за время до Ивана III Васильевича приходится наталкиваться на многія мѣста, относительно которыхъ, особенно при описаніи военныхъ походовъ, возникаютъ недоумѣнія, въ какихъ областяхъ и мѣстностяхъ находилась главная арена разсказанныхъ событій. Нѣкоторыя извѣстія, повидимому, совершенно противорѣчатъ имѣющимся о данныхъ мѣстностяхъ свѣдѣніямъ и картамъ. Разъясненіе этихъ темныхъ мѣстъ совершенно необходимо для установленія данныхъ о древнерусской географіи. А это возможно лишь путемъ обследованія на мѣстѣ всѣхъ подробностей. Было бы весьма благоразумно съ этимъ дѣломъ по возможности поспѣшить, пока еще не исчезли слѣды древнихъ названій, смутныя воспоминанія о давно происшедшихъ перемѣнахъ въ положеніи острововъ, старыхъ руслахъ рѣкъ и пр.

„Было бы также весьма полезно снимать рисунки съ древнихъ памятниковъ, весьма важныхъ для отечественной исторіи, и притомъ обращать серьезное вниманіе на всю окружающую обстановку, которая для внимательнаго изслѣдователя имѣетъ весьма важное значеніе. Въ Россіи такихъ памятниковъ довольно много, особенно въ южныхъ губерніяхъ. Большинство изъ нихъ все болѣе и болѣе разрушается, а потому весьма своевременно озаботиться, хотя бы въ интересахъ будущихъ изслѣдователей, составленіемъ точныхъ изображеній и описаній всего, еще до сихъ поръ сохраняющагося“.

Представляя эту записку, проф. Нейманъ надѣялся на осуществленіе своего проекта и рассчитывалъ лично принять участіе въ путешествіи. Это видно, какъ изъ вышеуказаннаго письма на имя ректора, такъ и изъ заключительныхъ словъ записки. Авторъ закончилъ ее словами: „Таковы главные моменты, какіе я имѣлъ въ виду при составленіи проекта этого предпріятія. Развитие плана въ отдѣльныхъ частяхъ, подробныя указанія о способѣ выполненія и необходимыхъ на то средствахъ—все это требуетъ болѣе подробнаго представленія, для выработки котораго потребуются нѣкоторое время“. Онъ не рѣшался приступить къ такой работѣ, не получивъ одобренія выработаннаго имъ плана. Но въ отвѣтъ на представленіе ректора попечитель увѣдомилъ, что онъ не можетъ представить министру проф. Неймана въ качествѣ участника въ предполагаемомъ путешествіи во внутрь имперіи, признавая совер-

шенно правильными указанныя въ представленіи совѣта къ тому препятствія.

Къ большому огорченію Неймана, его планъ такимъ образомъ не осуществился. Но его записка для своего времени заслуживала лучшей участи, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что столь настойчивый и осторожный изслѣдователь, какъ Нейманъ, собралъ бы не мало цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ въ до-
полненіе къ результатамъ перваго археологическаго путешествія по Россіи К. М. Бороздина въ 1809 г.

Другая записка проф. Неймана относится къ послѣднему году его профессорской дѣятельности, но стоитъ въ связи съ болѣе ранними его учено-литературными работами, о которыхъ поэтому необходимо предварительно упомянуть.

Попечитель Дерптскаго учебнаго округа Ф. Клингеръ сообщилъ въ началѣ февраля 1813 г. совѣту университета въ копіи письмо Министра Народнаго Просвѣщенія слѣдующаго содержанія. „Милостивый государь мой Федоръ Ивановичъ! Профессору Дерптскаго университета Нейману поручено отъ меня составить учебныя книги. Чтобы дать ему больше удобности къ успѣшнѣйшему окончанію труда сего, прошу Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе, дабы онъ, доколѣ будетъ занятъ симъ, свободенъ былъ отъ участванія въ текущихъ университетскихъ дѣлахъ. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ Вашего Превосходительства покорнымъ слугою г. Алексѣй Разумовскій“. Въ сообщеніи ректору отъ 13 февраля Нейманъ объяснилъ, что въ теченіе текущаго года онъ обязался приготовить для печати и представить слѣдующія учебныя книги: 1) руководство къ исторіи русскаго права; 2) очеркъ русскаго государственнаго права, и 3) очеркъ русскаго уголовного права—всѣ на русскомъ языкѣ. Въ теченіе же слѣдующаго года ему поручено составить руководство по русскому гражданскому праву, также на русскомъ языкѣ. При этомъ Нейманъ выражалъ увѣренность, что ректоръ и прочіе его коллеги проникнуты убѣжденіемъ какъ въ полезности этого предпріятія, такъ равно и въ томъ, что окончаніе такого труда, обнимающаго почти всю систему русскаго права, возможно въ теченіе указаннаго срока лишь при благопріятномъ состояніи здоровья и при условіи освобожденія отъ всякихъ университетскихъ занятій, кромѣ чтенія лекцій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ льстилъ себя надеждою, что и университетъ отнесется съ нѣкоторымъ участіемъ къ тому, если нѣмцу и профессору, имѣющему честь принадлежать къ его составу,

Жур. Мин. Юст. Декабрь 1902. 17

удастся окончить трудъ, появленіе котораго, несмотря на его насущную важность, съ давнихъ поръ тщетно ожидается.

Однако и этотъ планъ осуществился лишь въ незначительной части: въ 1814 г. появился напечатанный въ Петербургѣ трудъ Неймана— „Начальныя основанія уголовного права“, вышедшій въ томъ же году въ нѣмецкомъ переводѣ Ф. Эссена въ Дерптѣ, и тогда же въ Дерптѣ напечатаны два его нѣмецкихъ очерка: „Principien der Politik. Ein Fragment“ и „Principien der Philosophie und Moral. Ein Fragment“. О ходѣ работъ Неймана за это время сообщаетъ любопытныя указанія проф. Моргенштернъ. „Учебникъ русскаго государственнаго права оконченъ и будетъ, вѣроятно, скоро напечатанъ по-русски. Обработка же исторіи русскаго права, въ томъ видѣ, какъ онъ теперь ее задумалъ, будетъ обнимать нѣсколько томовъ. При обработкѣ древнѣйшихъ законовъ онъ долженъ былъ предпринять многія спеціальныя изслѣдованія и пришелъ къ выводамъ, дальнѣйшее развитіе и проведеніе которыхъ, поскольку это должно предшествовать обработкѣ самой исторіи права, можетъ задержать окончаніе этой части еще на нѣсколько лѣтъ. Чтобы еще до приступа къ главной работѣ услышать отзывы специалистовъ о своихъ частныхъ изысканіяхъ, Нейманъ представилъ въ началѣ текущаго года (1814) въ Академію Наукъ, гдѣ представителемъ по русской исторіи является извѣстный своею основательностью Кругъ, записку подъ заглавіемъ: „О важности изученія и обработки древняго славянскаго права для объясненія древнѣйшихъ русскихъ законовъ и русской и славянской исторіи вообще“¹⁾.

Но какъ разъ въ это время въ жизни Неймана произошла серьезная перемѣна: 13 марта 1814 г. онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, столь любопытно мотивированное, что мы рѣшаемся привести его здѣсь цѣликомъ въ русскомъ переводѣ.

„Состоя болѣе трехъ лѣтъ профессоромъ здѣшняго университета, я нахожу себя вынужденнымъ по причинамъ, вытекающимъ изъ моей предстоящей литературной и служебной дѣятельности, почтительнѣйше ходатайствовать объ увольненіи отъ настоящей должности. Еще ранѣе высказываемое мною мнѣніе, что иностранецъ для подготовки къ государственной службѣ долженъ знать языкъ и нравы страны, сдѣлалось послѣ многолѣтнихъ наблюденій и раз-

¹⁾ Dörptsche Beiträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst. Herausgegeben von Karl Morgenstern. Zweiter Band. Dorpat 1815. S. 284—286.

мысленій моимъ твердымъ убъжденіемъ. Но крайней мѣрѣ, что касается лично меня, то я не думаю, чтобы тѣ немногія услуги, какія я могъ бы оказать государству, могли вполнѣ меня удовлетворить, если бы я не овладѣлъ, хотя бы до нѣкоторой степени, языкомъ страны. Благосклонно разрѣшенное мнѣ высшимъ начальствомъ освобожденіе отъ побочныхъ университетскихъ занятій, каковое я принимаю съ живѣйшею благодарностью, въ значительной мѣрѣ облегчило мнѣ изученіе русскаго языка. Но, несмотря на это, опытъ истекшаго года показалъ, что въ моемъ настоящемъ положеніи и во всякомъ другомъ я до тѣхъ норъ не въ состояніи буду настолько овладѣть языкомъ страны, чтобы съ успѣхомъ выступить на литературномъ поприщѣ, пока я не буду проживать въ чисто русскомъ городѣ. Это убъжденіе въ нравственной обязательности для каждаго иностранца, предполагающаго остаться въ Россіи, овладѣть русскимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ, въ связи съ соображеніемъ, что я вступаю въ возрастъ, когда овладѣть чужимъ языкомъ становится все труднѣе, является главнымъ основаніемъ моей просьбы объ увольненіи отъ занимаемой мною должности профессора. Но сверхъ того предпринятія мною работы по русскому праву требуютъ продолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, такъ какъ тамъ безъ большой потери времени и безъ матеріальныхъ затратъ я могу достать всѣ необходимыя для этихъ работъ матеріалы“.

Остаться въ Петербургѣ Нейману однако не пришлось. Въ октябрѣ того же года состоялось его назначеніе въ Казань (Моргенштернъ въ указанной замѣткѣ сообщаетъ, что Нейманъ уѣхалъ въ Казань по особому порученію его сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія), гдѣ онъ не пробылъ и полныхъ трехъ лѣтъ, и въ сентябрѣ 1817 г. вышелъ въ отставку и переселился въ Петербургъ.

За это время юридическій факультетъ Дерптскаго университета пережилъ тяжелыя испытанія. По поводу извѣстнаго дѣла о дипломахъ двое изъ профессоровъ, Штельперъ и Кехи, были удалены, а юридическій факультетъ въ составѣ двухъ профессоровъ, Мейера и Лампе, до обновленія состава, лишень былъ права присуждать ученыя степени. Въ 1817 г. Мейеръ умеръ. На освободившуюся кафедру лифляндскаго права и былъ предложенъ Нейманъ. Его кандидатуру особенно горячо поддержалъ Густавъ Эверсъ, который, не боясь показаться хвастливымъ или заносчивымъ, утверждалъ, что Нейманъ принадлежитъ къ первымъ знатокамъ русскаго права, имѣющимся въ настоящее время въ Имперіи („Ich fürchte aber nicht

ruhmredig oder anmaszend zu gelten, wenn ich ausdrücklich bezeuge, dass er als Kenner des russischen Rechts zu den Ersten gehört, die das Reich gegenwärtig besitzt“). Избраніе его состоялось 18 декабря 1817 г., а 3 января 1818 г. послѣдовало утверженіе.

Когда, съ изданіемъ новаго устава 1820 г., въ составѣ каѳедръ юридическаго факультета появилась и каѳедра теоретическаго и практическаго російскаго правовѣдѣнія, то Нейманъ первый занялъ эту каѳедру съ начала 1821 г. Но недолго пришлось ему ее занимать. 27 ноября 1824 г. онъ вошелъ въ совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ ¹⁾. „Нынѣшнее состояніе моего здоровья принуждаетъ меня войти въ совѣтъ со слѣдующею просьбою, которую покорнѣйше прошу представить на разсмотрѣніе Начальства. Пользуясь совершеннымъ здоровьемъ и крѣпкими силами за 17 лѣтъ предъ симъ, я пріѣхалъ въ Россію и опредѣленъ былъ въ гражданскую службу. Въ первомъ году пребыванія моего въ Петербургѣ, какъ по дѣйствию климата, такъ можетъ быть и по причинѣ усиленныхъ трудовъ, занемогъ я опасною горячкою, которая весьма ослабила здоровье мое. Силы мои возвратились, но здоровье мое весьма много потеряло. Сія слабость увеличивалась съ лѣтами. Восемь лѣтъ предъ симъ я получилъ апоплектическій ударъ, но укрѣпился снова столько, что могъ продолжать службу. Однакожъ съ нѣкотораго времени здоровье мое годъ отъ года весьма слабѣетъ, наипаче является великое изнеможеніе душевныхъ силъ и нервъ, такъ что я почти не въ состояніи преподавать лекціи мои по узаконенному порядку и приготовляться къ нимъ надлежащимъ образомъ: потому что я бываю иногда вовсе не способенъ къ умственнымъ упражненіямъ.

„Я самъ не могу быть доволенъ тѣмъ образомъ, по которому я, за слабостью здоровья, принужденъ отправлять мою должность уже въ теченіе полутора года, и по сему почитаю себя обязаннымъ самъ представить Начальству желаніе мое о перемѣнѣ нынѣшняго моего положенія.

„Если бъ было возможно, то я весьма желалъ бы не оставлять совсѣмъ службы, и почиталъ бы себя весьма счастливымъ, когда бы мое Начальство заблагоразсудило, что я и при уменьшеніи моихъ силъ доброю своею волею могу еще быть полезенъ Государству. Въ продолженіи службы моей я наиболѣе занимался сціентифиче-

¹⁾ Этотъ и слѣдующій документы печатаются съ сохраненіемъ правописанія актовъ, хранящихся въ университетскомъ архивѣ.

скимъ обработываніемъ Русскаго Права. Нѣсколько разъ я преподавалъ исторію онаго и изложилъ почти весь учебный курсъ; сверхъ того сдѣлалъ, еще въ 1813 году, по систематическому порядку, краткія выписки изъ всѣхъ указовъ по находившимся тогда въ здѣшной Библіотекѣ книгамъ о законахъ. Основываясь на сихъ предварительныхъ трудахъ, желаю я сочинить книгу, полезную для государства: таковою я полагаю тщательно обработанную Исторію Русскаго Права по приложенному здѣсь Плану. Совѣтъ Университета и Вышнее Начальство благоразсудятъ, можно ли предполагать во мнѣ способности и познанія, нужныя къ успѣшному выполненію сего предпріятія.

„Поелику же сочиненіе Исторіи Права, по представленному мною Плану, составляетъ работу трудную, и я къ успѣшному окончанію оной долженъ буду употреблять всѣ свои силы, то я и нахожу себя принужденнымъ представить при семъ слѣдующія прозбы, отъ соизволенія на кои зависить успѣхъ моего предпріятія:

во-первыхъ, чтобы позволено мнѣ было жить въ деревнѣ, потому что я единственно токмо свѣжимъ воздухомъ могу подкрѣплять нервы мои;

во-вторыхъ, чтобы я могъ ограничивать преподаванія мои въ Университетѣ токмо тремя лекціями, каждую по одному часу, дабы употреблять все остальное время, въ совершенномъ спокойствіи, на мое предпріятіе; и чтобы при томъ было бы мнѣ позволено, до возстановленія моего здоровья, препоручить другому преподаваніе сихъ лекцій, съ его согласія, съ тѣмъ, чтобы самыя преподаванія мною были обработываемы: ибо опытомъ доказано, что преподаваніе уроковъ гораздо болѣе, нежели приготовленіе оныхъ, дѣйствуетъ на разслабленіе моихъ нервъ, и для самыхъ студентовъ весьма вредно, когда порядокъ лекцій часто прерывается.

„Въ замѣну сего я обѣщаюсь въ продолженіи шести лѣтъ, считая отъ втораго семестра 1825 года—ибо мнѣ необходимо нужно воспользоваться прежде, для подкрѣпленія моего здоровья, испрашиваемымъ мною четырехмѣсячнымъ отпускомъ—кончить весь трудъ по представленному Плану, и сверхъ сего принять къ себѣ, на собственное мое иждивеніе, трехъ молодыхъ людей, которые обяжутся служить въ ученомъ званіи, для того, чтобы сдѣлать ихъ способными къ занятію учительскихъ мѣстъ по части русскаго права: я никогда не буду утруждать Начальство ни малѣйшею прозбою о вознагражденіи тѣхъ немаловажныхъ издержекъ, которыя я принужденъ буду сдѣлать на путешествія для составленія

сколь возможно полного собранія Указовъ. По прошествіи каждаго года, я буду отдавать отчетъ о своихъ занятіяхъ, и то, что окончу, представлять на благоразсмотрѣніе; а по совершеніи цѣлаго труда, составлю два списка онаго, одинъ для Главнаго Правленія Училищъ, а другой для здѣшняго Университета. Ноября 27 дня 1824 года. Иванъ Нейманъ“.

Къ этому представленію въ совѣтъ приложенъ:

„Планъ для составленія подробной Исторіи Русскаго Права“.

„Польза и—можно почти сказать—необходимость такового труда всѣми признаны такъ, что не нужно о томъ никакихъ изъясненій. Законы наши весьма многочисленны, а немного находится людей, которые имѣли бы полныя о нихъ свѣденія. Часто случается, что чиновники, отличившіеся своими заслугами по службѣ, опредѣляются на новыя мѣста, не зная изданныхъ по сей части законовъ, о которыхъ они пріобрѣтаютъ свѣденія токмо съ трудомъ и со временемъ, справляясь у разныхъ лицъ и въ разныхъ мѣстахъ. Недобства отъ сего происходящія очевидны.

„Сей недостатокъ желательно замѣнить сочиненіемъ, коего Планъ здѣсь представляется.

„Обширность онаго. Таковое сочиненіе для достиженія вышеизложенной цѣли должно простираться на всѣ части Права: на Государственное, Частное и Уголовное, на Законы о Судопроизводствѣ и Образованіи Судебныхъ мѣстъ, сверхъ того на законы о разныхъ вѣтвяхъ Государственнаго Управленія, какъ то на законы о финансахъ, о лѣсахъ, мануфактурахъ и заводахъ, о Полицейскихъ учрежденіяхъ, словомъ на все безъ изъятія, что составляетъ предметъ Законодательства.

„Образъ составленія. Во первыхъ нужно сдѣлать сколь возможно полное собраніе законовъ—дѣло весьма трудное, которое можно привести въ дѣйствіе токмо прилежнымъ обзорѣніемъ разныхъ Архивовъ и частныхъ собраній. Указатель, изданный Максимовичемъ, доставляетъ весьма полезный къ тому предварительный трудъ но онъ еще не полонъ, и весьма много къ нему присовокупить нужно. Полное собраніе всѣхъ законовъ, хотя напечатаніе ихъ весьма желательно, едва ли когда въ свѣтъ издано будетъ, по причинѣ великихъ издержекъ и трудовъ, сопряженныхъ съ таковымъ изданіемъ. Предполагаемое здѣсь сочиненіе имѣетъ цѣлю, сколь возможно, замѣнить сей недостатокъ. По сему и нужно, по собраніи законовъ, во вторыхъ: выписать главное ихъ содержаніе такъ чтобы все относящееся къ одному предмету соединилось въ одномъ,

мѣстѣ: выписки сіи должны быть подробныя изъ Законоположеній еще силу имѣющихъ; а краткія изъ тѣхъ, которыя не употребляются уже болѣе въ судопроизводствѣ.

„Расположеніе сочиненія. Сочиненіе сіе, сообразно съ Исторією Права, будетъ состоять изъ нѣсколькихъ отдѣленій. Каждое отдѣленіе о древнихъ временахъ будетъ содержать нѣсколько столѣтій, а о новѣйшихъ нѣсколько царствованій, какъ, смотря по успѣхамъ законодательства, удобнѣе оныя могутъ быть соединены. Въ каждомъ отдѣленіи главное содержаніе принадлежащихъ къ оному законовъ изложится по систематическому порядку. Система сія должна быть согласна съ принятою въ классическихъ твореніяхъ Юриспруденціи, удобо-понятная и легко-обозрѣваемая. Въ разныхъ подраздѣленіяхъ и главахъ въ каждомъ періодѣ представляются усовершенствованія и измѣненія бывшихъ дотолѣ законовъ. Реестръ, который долженъ быть составленъ съ самою большою точностію, присовокупится на концѣ сочиненія: онъ будетъ служить къ тому, что и тѣ, которые не имѣютъ должнаго времени для разсмотрѣнія и изученія цѣлой книги, могутъ находить съ легкостію, что имъ потребно для практическаго употребленія.

„Предмѣтъ столь обширный, каково есть изображеніе всѣхъ нашихъ законовъ, требуетъ пространнаго сочиненія, чтобы съ надлежащею полнотою обработать оный. Можно напередъ полагать, если по окончаніи сочиненіе найдено будетъ достойнымъ напечатанія, что составитъ не менѣе шести томовъ, въ четверть листа. Во всякомъ случаѣ, какъ трудъ предварительный, будетъ онъ облегчать сціентифическое ученіе Русскаго Права. Надлежитъ написать сіе сочиненіе на Русскомъ языкѣ, чтобы сдѣлать его болѣе полезнымъ.

„Шестилѣтній срокъ, назначенный для совершенія сего труда, принимая въ разсужденіе, что уже много для сего приготовлено, есть самый малѣйшій, какой можно назначить на составленіе таковаго сочиненія. Иванъ Нейманъ“.

Совѣтъ университета и попечитель графъ Ливень отнесли въ исполнѣнъ сочувственно къ этому проекту, представивъ его съ своими отзывами въ министерство. Совѣтъ призналъ возможнымъ сократить число лекцій проф. Неймана до трехъ въ недѣлю безъ вреда для преподаванія, такъ какъ „образованный имъ кандидатъ Рейцъ преподаетъ многія части русскаго права похвальнымъ образомъ“. Опасенія совѣта, что состояніе здоровья не позволитъ Нейману окончить трудъ въ указанный имъ срокъ, въ значительной мѣрѣ были ослаблены увѣреніями ректора Эверса и проф.

россійской словесности Перовщикова, что болѣшя предварительныя для того работы уже окончены. Въ одномъ лишь пунктѣ совѣтъ не согласился съ Нейманомъ: онъ справедливо находилъ, что обязательство приготовить трехъ преподавателей русскаго права лишь отвлечетъ Неймана отъ главнаго его занятія. „По крайней мѣрѣ“,—такъ полагалъ совѣтъ,—„могло бы быть справедливымъ и полезнымъ сей предметъ предоставить совершенно доброй волѣ и извѣстной безкорыстности г. проф. Неймана, который конечно и безъ обязательства въ отношеніи сего сдѣлаеть не менѣе, чѣмъ силы его позволятъ“. Попечитель съ своей стороны находилъ необходимымъ продлить срокъ для написанія такого обширнаго и важнаго для россійскаго правовѣдѣнія труда по крайней мѣрѣ на одинъ годъ и просилъ министра „о принятіи сего ученаго предпріятія въ покровительство“.

Какая участь постигла все это дѣло въ министерствѣ, къ сожалѣнію, остается неяснымъ. Во всякомъ случаѣ никакого прямого отвѣта на него изъ министерства въ университетъ не поступило. Но весьма вѣроятно, что именно вслѣдствіе сношеній министерства по поводу записки Неймана съ соответственными учрежденіями состоялся по Высочайшему повелѣнію вызовъ Неймана въ февралѣ 1826 г. на нѣкоторое время въ Собственную Его Величества Канцелярію съ оставленіемъ въ должности и съ сохраненіемъ оклада. Быть можетъ, Нейманъ былъ вызванъ по указанію именно Сперанскаго, котораго не могла не заинтересовать записка Неймана и который могъ лично знать его еще въ ту пору, когда Нейманъ состоялъ на службѣ при Императорской Коммисіи составленія законовъ.

Въ февралѣ 1826 г. Нейманъ переселился въ Петербургъ. Онъ надѣялся, что перемѣна мѣста и новыя занятія, не соединенныя съ опредѣленными днями и часами, благоприятно отразятся на состояніи его здоровья. Къ тому же, по его собственному свидѣтельству, ему предоставлено было все, что только могло способствовать укрѣпленію его здоровья. Но, несмотря на все это, силы его постепенно слабѣли. Уже въ августѣ того же года поступило въ совѣтъ университета его прошеніе объ отставкѣ, а письмомъ попечителю отъ 25 ноября Сперанскій сообщилъ, что Нейманъ по болѣзни уволенъ и отъ занятій по составленію законовъ.

Въ отставкѣ Нейманъ прожилъ еще довольно долго: онъ умеръ 13 декабря 1855 г. Сохранилось извѣстіе, что послѣ него осталось значительное число рукописныхъ трудовъ по исторіи и исторіи права. Но гдѣ они, и что съ ними стало?

М. Дьяконовъ.